

УДК 820

О.В. Ташкинова, доцент кафедры перевода

Ялтинский университет менеджмента

E-mail: jourday@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЗНАКОВОСТИ ТЕКСТА

Представлен взгляд на текст как знак особого рода, способный самостоятельно осуществлять коммуникативную функцию.

В современной лингвистике текста все еще остро стоит проблема знаковости текста. В связи с этим **цель** исследования заключается в попытке установить, является ли текст знаком.

Среди **задач**, которые были поставлены и решены в ходе работы, были, во-первых, необходимость предъявить к тексту как к знаку общесемиотические требования в рамках существующих классификаций знака, во-вторых, рассмотреть возможность функционирования текста как знака в коммуникативной среде.

Все возрастающий интерес к объекту исследования – тексту обеспечил **актуальность** работы, поскольку такое многоаспектное явление как текст еще не до конца изучен и описан при помощи существующего лингвистического инструментария.

На предварительном этапе исследования, следует, прежде всего, дать определение такому сложному лингвистическому явлению как текст, и обратиться к теории знака как такового. Наиболее удачной представляется формулировка понятия текста Т.М. Николаевой: «Текст – один из базовых терминов лингвистики текста, употребляющийся, однако, в различных значениях. Основные из них следующие: 1) текст как связная последовательность, законченная и правильно оформленная; 2) некоторая общая модель для группы текстов; 3) последовательность высказываний, принадлежащих одному участнику коммуникации; 4) письменное по форме речевое произведение» [1, с. 467–472].

Исходя из того, что столь сложное и многоаспектное явление как текст, должно описываться с нескольких точек зрения, наиболее интересным для исследования является высказывание А.Г. Баранова: «Будучи многоаспектным явлением, текст получает различные трактовки: как с чисто лингвистических позиций, так и с позиций психологических, социологических, философских. В лингвистическом анализе текста к настоящему времени четко определились три направления анализа, по сути своей изоморфные трем аспектам организации предложения: синтактика, семантика и прагматика» [2, с. 180].

Синтактика как формальное отношение знаков к знакам интенсивно разрабатывается в лингвистике текста как его связность. Семантика текста – одно из центральных направлений исследования, раскрывает цельность текста, его содержательные параметры. Прагматика рассматривает возможность существования отношений: между выражениями как таковыми; между объектами, которые могут быть описаны посредством выражений; между лицами, которые используют выражения с целью описания объектов; а также между ситуациями, в которых могут быть использованы выражения.

Прежде чем приступить к исследованию текста как объекта изучения семиотики, следует привести существующие концепции о существовании знака как такового.

Фундаментальным вкладом в развитие теории знака явились идеи Ч. Пирса. Чрезвычайно важным представляется положение Ч. Пирса о том, что знак может существовать, только будучи проинтерпретированным в другом знаке.

Ч. Пирс выделил три типа знаков:

а) иконические знаки, в основе которых лежит сходство, подобие между означающим и означаемым;

б) знаки-индексы, основанные на отношении смежности между двумя сторонами знака;

с) знаки-символы, в которых означаемое и означающее сопрягаются по условному соглашению.

Трихотомическая классификация знаков Ч. Пирса имеет своих сторонников и противников. Так, необходимо привести противоречивое мнение Э. Бенвениста относительно классификации Ч. Пирса: «Для построения... «универсальной алгебры отношений» Ч. Пирс установил трихотомическое деление знаков на иконические знаки, знаки-индексы и знаки-символы. Эта трихотомия – почти все, что осталось сегодня от сложнейших логических построений, воздвигнутых на ее основе... В конечном счете трудность, которая препятствует всякому конкретному применению идей Ч. Пирса, за исключением его имеющей слишком общий характер трихотомии, заключается в том, что принцип знака постулируется как основа устройства всего мира... Человек в целом есть знак, его мысль – знак, его эмоция – знак. Но если все эти знаки выступают как знаки друг друга, то могут ли они... быть знаками чего-то, что само не было бы знаком? Найдём ли мы такую точку опоры, где устанавливалось бы первичное знаковое отношение?» [3, с. 71].

Другая точка зрения на роль идей Ч. Пирса в развитие семиотики принадлежит М.В. Никитину: «...Семиотике следует признать непродуктивной заманчиво широкую универсалистскую концепцию

знака, которую предложил Ч. Пирс, и которой она последовала. Самому Ч. Пирсу универсализм знака требовался не ради него самого, а для того, чтобы под его флагом заложить дедуктивные основания формальной логики как «науки об общих обязательных законах знаковости»... [4, с. 14].

Ч.У. Моррисом была предложена теория трех аспектов существования знаков: с синтаксической точки зрения – *отношения знаков друг к другу*, с семантической – *к обозначаемым предметам*, и, наконец, с прагматической – *к пользователю знака*. Также следует указать на то, что в реальном знаке указанные три аспекта переплетаются. Сам Ч.У. Моррис говорил об этом так: «Преимущество исследования, учитывающего три измерения, состоит в том, что оно признает обоснованными все эти точки зрения, поскольку они отражают три аспекта одного и того же явления» [5, с. 45].

Некоторые ученые все же не признают предложенную Ч.У. Моррисом теорию о трех аспектах знака. Например, Г. Клаус сформулировал теорию о четырех семиотических сферах: «...языковой знак может быть охарактеризован в четырех различных аспектах:

1. Может быть связан с другими знаками.
2. Обозначает нечто.
3. Значит нечто.
4. Создается и используется людьми».

Таким образом, Г. Клаус предлагает в сфере семантики различать собственно семантику («значит нечто») и сигматику («обозначает нечто») [6, с. 13].

Ф. де Соссюру принадлежит тезис о необходимости рассмотрения языка преимущественно с позиций семиотики, как системы знаков. Так, лингвисты выделяют два основных пункта в соссюрском понимании языкового знака.

Во-первых, знак есть единство означаемого и означающего, причем каждый элемент может быть рассмотрен сам по себе только как научная абстракция (Ф. де Соссюр использовал для иллюстрации связи между обозначаемым и обозначающим образ бумажного листа, разрезать одну сторону которого невозможно, не разрезав другую); связь между означающим и означаемым произвольна в том смысле, что она не мотивирована.

Во-вторых, знак функционирует и вообще существует только в системе, а также полностью обусловлен самой системой.

Ф. де Соссюру также принадлежит высказывание, что «в языке нет ничего, кроме различий», а, следовательно, каждый знак есть все то, чем не являются другие.

Р. Якобсон, сопоставляя взгляды Ч. Пирса и Ф. де Соссюра, пришел к заключению, что «...Интерес Пирса к разным уровням взаимодействия трех выделенных функций во всех трех типах знаков и, в особенности, пристальное внимание к индексальным и иконическим компонентам языковых знаков, непосредственно связаны с его тезисом, утверждающим, что «самые совершенные из знаков» – те, в которых иконические, индексальные и символические признаки «смешаны по возможности в равных отношениях». Напротив, настойчивое стремление Ф. де Соссюром подчеркнуть условность языка связано с его утверждением, что «полностью произвольные знаки наиболее пригодны для обеспечения оптимального семиотического процесса» [7, с. 107]. В цитируемой работе Р. Якобсона четко прослеживается мысль относительно того, что позиция Ч. Пирса более соответствует действительности.

Далее, следует рассмотреть некоторые общие свойства знаков. Прежде всего, те свойства, которые были указаны в трех приведенных концепциях.

Во-первых, знак обозначает, представляет и отражает нечто, лежащее за пределами знака. Факт реальности, материальной или идеальной, не тождественен знаку этого факта.

Во-вторых, знак является двусторонней сущностью, в которой объединены форма выражения и форма содержания.

В-третьих, связь между двумя сторонами знака – означающим и означаемым – произвольна в том смысле, что «какой-то один знак, а не какой-то другой прилагается к данному, а не другому элементу реального мира» [3, с. 93].

В-четвертых, языковой знак асимметричен, соответствия между формой выражения и формой содержания в нем не равнозначны.

В-пятых, знак функционирует только внутри системы знаков, в которой, помимо абсолютного значения приобретает еще и внутрисистемную значимость.

В-шестых, существование знака обусловлено существованием его пользователей. На важность фигуры получателя знака указывал еще Ч. Пирс.

В-седьмых, в силу своей социальной закреплённости, знак относительно постоянен и воспроизводим.

Итак, в семиотике принято считать, что:

– Ч. Пирс выделил различные типы знаков, классифицировав их по характеру отношений между означающим и означаемым;

– Ч.У. Моррис сформулировал положения о трех семиотических сферах – семантике, синтактике и прагматике;

– Ф. де Соссюр четко заявил о знаковом характере языка и выдвинул положение о его системности.

На данном этапе исследование наиболее целесообразным представляется перейти непосредственно к семиотическому рассмотрению текста, и проследить, в каком отношении текст находится к трихотомии Ч. Пирса, является ли текст знаком-иконой, знаком-индексом или знаком-символом. Логичнее всего было бы начать с иконичности текста-знака.

Проблема иконичности в языке была поставлена одновременно с самим выдвижением понятия иконического знака. Период глобального увлечения иконическими свойствами языка, по словам К.Я. Сигала [8, с. 100–120], начался после выхода в 1965 г. статьи Р.О. Якобсона «В поисках сущности языка». То, что текст может рассматриваться как иконический знак, Р.О. Якобсон иллюстрирует на основе примера о знаменитом послании Цезаря сенату: *Veni, vidi, vici*. Это высказывание Цезаря Р.О. Якобсон рассматривает как текст. При этом иконичность данного текста не исчерпывается тем фактом, что последовательность глаголов соответствует последовательности совершения обозначенных этими глаголами действий. Кроме того, форма этих глаголов (1 лицо, единственное число, активный залог) содержит в себе элемент иконичности: морфологически выраженный субъект предложения соответствует субъекту описываемых в предложении действий. Внутренняя структура текста включает объекты и отношения, реализованные семантическими, синтаксическими и прагматическими средствами языка, которые, в совокупности своих связей, отражают структуру экстралингвистического события, которое данным текстом представлено. Исходя из данных заключений, можно предположить, что текст изоморфен явлению реальности, и этот изоморфизм и составляет основу иконичности текста как знака.

Итак, текст может рассматриваться как иконический знак (при условии, конечно, что вообще может рассматриваться как знак).

Для знака-индекса, как известно, существенным является наличие смежности между означаемым и означающим. Прежде всего, необходимо выяснить, в чем заключается понятие смежности. Во-первых, понятие смежности может заключаться в отношении части к целому, во-вторых, отношение пространственного сосуществования, в-третьих, отношение временной последовательности и, наконец, отношение импликации.

Отношение импликации применительно к тексту может быть представлено следующим образом: всякий текст, не оторванный от конкретной ситуации своего употребления, подразумевает существование реальности, в нем отражаемой. Произвести текст о чем-то означает: а) заявить о существовании – реальном, мнимом, возможном и т. д. – этого чего-то и б) обратить внимание именно на это что-то среди другого множества экстралингвистических феноменов.

Также свойство индексальности текста может проявляться у текста через свойство его интертекстуальности. Известно, что текст не существует сам по себе, но обусловлен существованием множества других текстов, тем, что принято называть корпусом текстов. В частности, типологически значимые, жанровые свойства текста принадлежат каждому конкретному тексту как представителю класса текстов.

Как любой другой знак текст является символом. В этом смысле текст – произволен, связь между представляющей его цепочкой звуков/букв и фактом реальности можно назвать произвольной. О произвольности в широком смысле здесь можно говорить, имея в виду принцип множественности возможных описаний одного и того же явления действительности.

Символьность знака предполагает, прежде всего, его способность существовать в отрыве от ближайшего контекста. Естественно, знак-символ не может существовать сам по себе, его использование обусловлено множеством факторов, но также, знак-символ должен быть способен к отторжению от ситуации своего применения без потерь для себя самого. В данном контексте текстами, имеющими свойства символности знака, могут быть тексты, смысловая структура и материальная форма которых оказались настолько удачными, а первоначально означенная ими ситуация – настолько типичной, что конструирование нового текста для обозначения аналогичной ситуации становится менее привлекательным, чем использование готового варианта. Здесь можно говорить еще об одной категории, характерной знаку – воспроизводимости.

Важной особенностью воспроизводимости текста является тот факт, что пользователь готового текста может вычленять различные аспекты смыслового содержания текста и использовать их в собственном высказывании. В этом смысле «наиболее естественно выглядит такое свойство текста как цитируемость» [9].

В основном тексты такого рода представлены короткими, длиной в одно - два предложения, образованиями, которые принято называть «крылатыми словами». Особую группу составляют афоризмы, которые сразу создаются так, чтобы иметь как можно более общее значение и подходить для употребления во множестве контекстов.

Итак, кажется, удалось показать принципиальную возможность рассмотрения текста под таким углом, что становится возможной его интерпретация как иконического, индексального или символического знака, что дает основания действительно считать текст знаком.

В данном исследовании было рассмотрено, каким образом у текста могут проявляться свойства знака. Эти свойства, взятые в совокупности и проявленные в большей или меньшей степени, могут быть охарактеризованы как знаковость текста.

В результате знаковость текста предстает перед нами как некий континуум, на одном полюсе которого находятся высокостандартизированные тексты типа, к примеру, загадок, поговорок, на другом – уникальные тексты. Все вышеизложенное подтверждает, что знаковость текста качественно схожа со знаковостью языковых единиц, принадлежащих традиционно выделяемым языковым уровням.

Какие же преимущества дает трактовка текста как знака?

В ходе исследования оказался очевидным следующий **вывод**: даже при том условии, что знаковость не есть актуальное свойство всякого текста, знаковость для всякого текста потенциальна, следовательно, ко всякому тексту могут быть применены семиотические представления о функционировании знака в коммуникативной среде, что, в свою очередь, обогащает лингвистический инструментарий для изучения человеческой коммуникации.

Данное направление представляется одним из основных направлений в современной лингвистике, и оно еще весьма далеко до завершения, что обуславливает применение результатов нашей работы в практике прагмалингвистических исследований, обеспечивая тем самым **практическую ценность** проведенного исследования, ведь тексты порождают и воспринимают люди для решения своих коммуникативных задач.

Библиографический список

1. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. VIII. — М.: Прогресс, 1978. — 623 с.
2. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1993. — 182 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
4. Никитин М.В. Знак – значение – язык — СПб.: РГПУ им. Герцена, 2001. — С. 3–14.
5. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: под ред. Ю.С. Степанова — М.: Радуга, 1983. — С. 37–89.
6. Клаус Г. Сила слова. — М.: Прогресс, 1967. — 216 с.
7. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. — М.: Радуга, 1983. — С. 102–117.
8. Сигал К.Я. Проблема иконичности в языке // Вопросы языкознания. — 1997. — № 6. — С. 100–120.
9. Литвин Ф.А. В поисках текста // Функционирование языковых единиц в тексте. — Тула: Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого, 1992. — С. 9–13.

Поступила в редакцию 15.02.2007 г.